

МИНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Легенды, мифы и байки неизменно сопровождают жизнь любого города. Часть преданий приходят из глубины веков – легенды об основании поселений, о легендарных правителях, о важных событиях былых дней. Другие сопровождают историю города по мере его развития. Наконец, в наши дни возникают новые передаваемые из уст в уста, а теперь и через интернет и социальные сети байки и суеверия, которые так и называют – городские легенды.

Сражение на Немиге. Миниатюра из Радзивилловской летописи

В мире есть города, преисполненные мистики и известные этим на весь мир. Прага с ее алхимиками, доктором Фаустом и големом в этом смысле несомненный лидер. Мир знает призраков Венецианского карнавала, парижских катакомб, лондонского Тауэра... Минск – совсем не исключение. И хоть его городской фольклор не прославился на весь мир, он, конечно же, не лишен своей собственной мистики. Но есть важная особенность.

Минск поздно обрел свой столичный статус. На протяжении столетий он был хоть и крупным городом, некоторое время столицей удельного княжества, но чаще считался провинцией – центром воеводства, а позже губернии. Это означало, помимо прочего, что его население, его архивы и его накопленный фольклор уступал столичным соседям. Но еще важнее, что преемственность поколений неоднократно прерывалась, и легенды предков могли уже не перейти к потомкам. Даже первое упоминание Минска в летописи касается не его основания, а его разрушения. В год 6575 (1067) «поднял рать в Полоцке Всеслав, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в сильный мороз. И подошли к Менску, и мяняне затворились в городе. Братья же эти взяли Менск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал». Если население древнего Менска было целиком перебито либо пленено, то это равносильно физическому уничтожению города. Увы, это несчастье стало лишь первым из многих. Далее последовало разрушение города Владимиром Мономахом после двухмесячной осады в 1116 году, а в 1505-м крымский хан Менгли-Гирей пришел с набегом, разграбил и сжег Минск, не взяв, однако, городской замок. Затем был пожар 1547-го, уничтоживший почти весь город. В 1655 – 1660-м город был захвачен войсками Русского царства, позже серьезно пострадал в Северную войну, когда его занимали российские и шведские войска в 1706 и 1707 годах. И, разумеется, Минск восстанавливали из руин после освобожде-

ния от немецко-фашистских захватчиков в 1944-м.

Город возрождался, но его былые предания, не положенные вовремя на бумагу, забывались, таяли, искажались. И сейчас уже очень сложно сказать, насколько напечатанные впервые в XIX веке минские легенды реально восходили к непрерывной устной традиции. Но тут уже ничего не поделать.

Минская мифология сохранилась благодаря усилиям неравнодушных горожан, которые записывали предания, услышанные от родственников, друзей, других минчан. По-

жалуй, первым, кто издал книгу, полностью посвященную легендам, связанным с Минском, был Дорофей Дорофеевич Бохан. Человек с нетривиальной, яркой биографией, журналист, краевед, офицер-артиллерист, поэт, педагог, переводчик, экономист, он родился в Минске в 1878 году. Участвовал в Русско-японской войне, агитировал за перемены в Российской империи, за что попал под арест, после революции служил в Наркомате просвещения БССР, но советская власть также не отвечала его идеалам. Он бежал в Вильно в 1920-м, там позже получил польское гражданство. После 1939-го был арестован советскими властями. Вступил в армию генерала Владислава Андерса и погиб в ее рядах в Иране в 1942-м. Но еще в 1901-м он издал первый сборник минской мифологии – «Минские предания и легенды», тонкую книжку в 100 страниц. Кстати, одним из множества его литературных псевдонимов было простое имя – Минчанин.

Страницы из книги «Минские предания и легенды» Дорофея Бохана

Мельница о семи колесах

Говорят, что некогда поселился в этих краях знахарь, чародей и богатырь по имени Менеск. Менеск пришел сюда издалека, по одной версии, из польских земель. Он построил на Свислочи большую каменную мельницу о семи колесах. Окрестные поселяне сами никогда Менеска не видели, но слышали шум его мельницы, наблюдали проявления его недюжинной силы. Поговаривали, что муку его мельница смальвала не из ржи, не из пшеницы, а из камней, а с мельницы что ни ночь доносились крики, песни, музыка и танцы, потому что Менеск собирал себе дружину и пировал с ней ночи напролет. С дружиной богатырь разъезжал по окрестностям, собирал дань с соседних селений, стремился накопить денег и скупить больше земель.

Когда же поселяне устали от произвола богатыря, они обратились за помощью к другому чародею, и тот прогнал Менеска прочь. Но город, что возник в окрестностях мельницы, первыми жителями которого были его дружинники, люди называли в честь богатыря Менеском, а позже Менском.

В позднейших переработках эта легенда дополнилась подробностями, да и продолжает обрастать деталями до наших дней. Так, например, Ирина Масленицына в своей версии излагает, что Менеск пытался добиться взаимности от дочери водяного царя – прекрасной Свислочи, которая отказала самому Перуну.

Впервые предание о Менеске было опубликовано Павлом Шпилевским в 1854 году. В середине XIX века этот исследователь написал немало работ по мифологии нашего края – «Белорусские народные предания», «Белорусские народные поверья», «Белоруссия в характерических описаниях и фантастических поверьях», «Исследование о вовколаках на основании белорусских поверий», «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» и другие. Множество его текстов были впоследствии оспорены учеными. Утверждали, что Шпилевский многое попросту придумывал, хотя и опирался на фольклор. В дальнейшем его версии доработал и опубликовал в 1892 году в журнале «Север» составитель «Географических очерков России» Алексей Николаевич Сергеев.

При первой публикации предания в Менеске Шпилевский предположил, что в нем отразилась память о долетописном эпизоде из истории Минска. «Конечно, это предание отзывается белорусскою сказкою; но почему знать, не имеет ли оно отношения к какому-нибудь доисторическому событию, не записанному в летописях? Не смешанное ли это сказание о каком-нибудь удельном кривичском князе Менеске, собиравшем сильных людей для увеличения своего войска и для заселения ими новопостроенного своего городка на берегах Свислочи?» В пользу историчности опубликованного им предания Шпилевский приводил аргумент, что среди горожан до его времени сохранилась поговорка «не пайду я да Менска ад шляху Виленска; а (если же) пайду па шляху Виленскому, спаткаюся з Менеском».

Однако предание вызвало немало вопросов. Например, следов использования в Менске в XI – XIII веках мельниц не обнаружено – предположительно, люди обходились ручными жерновами и ножными ступами. Первое упоминание водяной мельницы относится только к 1499 году. Кроме

Скульптурная композиция
«Мельница Переспы»

того, Шпилевский четко указывал место, где поселился богатырь: между Татарским концом и Переспенским мостом, неподалеку от начала Виленского тракта. Во времена, когда мог жить Менеск, этих названий еще не было, а в наши дни они уже не актуальны. Тем не менее примерно локализовать место, на которое указывал Шпилевский, несложно. Виленский тракт все еще там – в наши дни эта улица называется Старовиленский тракт и в целом идет параллельно Свислочи. А вот Татарский конец появился в связи с централизованным селением татар в городе. Первое письменное упоминание о менских татарах содержится в привилее короля Жигимонта III мещанам 26 мая 1606 года. Косвенно же о факте их проживания в городе можно сделать вывод из факта, отраженного в письме Петра Тышкевича 26 января 1617-го, что строительство мечети в Мийске (в районе нынешней гостиницы «Юбилейная») началось во времена митрополита киевского Михаила Рагозы в 90-х годах XVI века. В документе от 16 марта 1633-го упоминается улица, «ktora do Tatar idzie». То есть татары селились в Минске централизованно, и это место стали называть Татарским концом. Наконец, само это название фиксируется в документах 1720 года и позже.

Название Переспенский мост явно происходит от реки Переспа, «которая идет с Коморова болота у Свислочь-реку». Она протекала вдоль нынешней улицы Кропоткина, огибала справа Сторожевское кладбище, пересекала под мостом Виленский тракт и лугами и огородами устремлялась к Свислочи. Сейчас моста уже нет, а сама Переспа убрана в коллектор – на поверхности видны только последние метры речки: она впадает в Свислочь вблизи спортивного комплекса «Динамо» на улице Даумана. Название «Переспа» носит трамвайная остановка неподалеку от ее устья, а в перспективе такое же название предлагается для будущей станции третьей линии Минского метрополитена.

Что до мельницы на Переспе – известно, что 10 сентября 1592-го своим привилеем король и великий князь Жигимонт III позволил строительство мельницы на речке. Первоначально она была о четырех колесах, позднее о шести. Но до конца XVI века у нас нет сведений о застройке вблизи устья Переспы, ни документальных, ни археологических.

По этим и другим причинам ученые склонились к мысли, что легенда все же сложилась довольно поздно и объясняет название города задним числом – то есть это вымышленный богатырь Менеск получил имя от города, а не наоборот.

Взятие Минска Ярославичами во время похода на Всеслава Чародея

Расправа Мстислава Изяславича с восставшими киевлянами, освободившими Всеслава Чародея

Но, может, у него был конкретный прототип? Среди возможных прототипов Менеска называют Ярополка Изяславича, Волынского и Туровского князя, которому Ярославичи отдали Менск после битвы на Немиге. Эта версия объясняет польское происхождение Менеска – матерью Ярополка была полька, княжна Гертруда из династии Пястов. Тогда «чаровником», прогнавшим Менеска, был не кто иной, как Всеслав Полоцкий, известный под прозвищем Чародей, который позже вернул себе власть над Полоцком, а с ним и над Менском.

Другие говорят, что образ возник стараниями сына Всеслава Чародея Глеба Менского, многие годы успешно противостоявшего князьям киевской династии. Увы, закончилось это противостояние трагической смертью Глеба в киевском плену.

Еще одна интересная версия высказана современным исследователем, минской стариной Евгением Казанцевым. По его мнению, в легенду попал Антоний Тадеуш Пшездецкий, который был менским войтом в середине XVIII столетия. Он имел богатырское сложение, «дужую будову цела, вялікую галаву і тоусты карак». Он нечасто навещался в Менск, много разъезжал по окрестностям, что могло быть обозначено как невидимость, незаметность Менеска простым людям. Он имел польское происхождение: его род корнями из Мазовии. Наконец, в течение добрых 40 лет войт скупал земли Заславского графства, что могло отразиться в легенде как

сбор князем земель. Прославился Пшездецкий и тем, что сторонников из числа шляхты и зажиточных горожан он «вербовал», организуя богатые застолья.

А от должности войта из-за жалобы Пшездецкий был отстранен по воле короля Августа III.

Даже если в предании о Менеске почти нет истины, оно важно для города. Оно продолжает развиваться и обрастать подробностями. В 2001 году по-

явилась версия, что Менеск похоронен на горке, на которой сейчас стоит церковь Св. Марии Магдалины на улице Сторожевской – когда-то здесь было православное кладбище. А до того, по мнению некоторых исследователей, эта горка неподалеку от устья Переспы была погребальным курганом мифического богатыря. По другой версии, тело Менеска опустили на дно реки в том месте, где Немига впадает в Свислочь.

Монахи и другие призраки

Легенды о «белой панне», «черном монахе», несчастной утопленнице или заживо погребенной девушке распространены по Беларуси повсеместно. Не обошли они и Минск.

Самый известный призрак – Ядвига Любанская, призрак Лошицкого парка, утонувшая в Лошице супруга хозяина тамошней усадьбы Евстафия Любанского. Считается, что она покончила с собой в связи со вскрывшимся фактом ее супружеской неверности. Почти так же известен призрак Минской ратуши Михаил Володкович, балагур, насмешник и забияка, расстрелянный у ратушных стен. Но есть и другие.

Вероятными соседями пана Володковича являются призрачные монахи – доминиканцы и бернардинцы. Орден Святого Доминика – один из известнейших католических

Всеслав Чародей

Ядвига Любанская

Усадьба Любанских

монашеских орденов. Узнаваемые по характерному одеянию, включавшему белую рясу и черный плащ, доминиканцы специализировались на изучении Писания и иных знаний. А свой зловещий имидж они обрели, поскольку именно этому ордену было поручено проведение инквизиции – расследования по делам о ересь. И хотя сожжения еретиков в средневековой истории Минска вроде как не зафиксированы, костел и монастырь доминиканцев здесь были. Они находились в юго-восточной части архитектурного комплекса Верхнего Рынка, а в современных ориентирах – в северо-западной части Октябрьской площади, в углу, ближнем к ратуше. Их возвели примерно в 1600 – 1605 годах на деньги Софьи Слушки и других шляхтичей. Костел сначала был деревянным, но скоро на деньги стольника Петра Тышкевича построили каменное здание, которое, скорее всего, стало вторым каменным храмом Минска после «желтой» Петропавловской церкви на Немиге. Костел был освящен как храм Св. Фомы Аквинского. В XVIII веке его дважды реконструировали и он приобрел типичные черты барокко. Монастырь был закрыт российскими властями в 1832 году. Костел какое-то время действовал уже как приходской, а не монастырский, но постепенно приходил в упадок. С 1840 года здешний приход перевели на Золотую Горку. А в 1907-м на фронтоне появилась пожарная вышка. В 1926-м комплекс бывшего монастыря, включая здание костела, объявили памятником архитектуры. Костел сильно пострадал во время Великой Отечественной войны. В послевоенное время была проведена первичная консервация руин, однако в конечном итоге власти решили их взорвать, что и было сделано в 1950-м. В 1986-м с началом строительства Дворца Республики фундамент храма был откопан – остатки толстенных стен, некоторые до 3 м, и начало подземного хода в сторону площади Свободы. Теперь фундамент бывшего костела скрыт частично под площадью, а частично непосредственно под Дворцом Республики.

Что же касается призрака-доминиканца, то его появление относят к XVII столетию. В июне 1655-го Минск был взят войсками русского воеводы Федора Юрьевича Хворостинина. Это был один из многочисленных трагических эпизодов войны 1654 – 1667 годов между Русским царством и Речью Посполитой, когда само существование польско-литовской державы висело на волоске. Говорят, что последние защитники Минска закрепились как раз в мурах доминиканского монастыря. Они не сдались и все были убиты. 5 лет город удерживал русский гарнизон. Но 3 июля 1660 года после победы Чарнецкого и Сапеги над войсками Хованского под

Полонкой московский гарнизон покинул Минск. Сегодня пишут, что именно с тех дней пошли слухи о черном монахе, которого минчане стали замечать в костеле и монастыре доминиканцев. Силуэт перемещался по зданию в одиночестве, держа в руках свечу. Вот только с нее вместо воска капала кровь. Появление монаха предвещало большие беды вроде войн и разрушений. Пишут, что в последний раз монаха замечали в 1939 году.

Зданий костела и монастыря больше нет, и черному монаху негде бродить. Казалось, он навсегда исчез. Но неожиданно легенда о монахе получила загадочное продолжение уже в современном фольклоре. Говорят, что с 90-х годов XX века в районе перекрестка Энгельса и Интернациональной, то есть как раз возле бывшего здания костела, по ночам водители, главным образом таксисты, замечают собаку, которая перебегает улицу перед их автомобилем. В этом нет ничего необычного, но вот факт, что собака сжимает в пасти горящую палку или факел, уже изрядно удивляет.

Дело в том, что с названием ордена святого Доминика и его символикой связан один каламбур. Его официальное название – орден братьев-проповедников. Поскольку орден основал святой Доминик де Гусман, закрепилось и неофициальное название ордена – доминиканцы. А это слово на латыни созвучно со словосочетанием «псы Господни» – Domini canes. И в довершение всего на старом гербе ордена

Костел и монастырь доминиканцев XVII - XVIII веков

изображена... собака с факелом в зубах – символ преданности и света истины. Что ж, если легенда о собаке на улицах Минска выдумана, то, по крайней мере, ее выдумал довольно эрудированный человек.

Но не доминикацами едиными... В последнее время в интернете пишут, что в стенах гостиницы «Монастырская», которая располагается в бывшем здании монастыря бернардинцев, то и дело замечают призрачные силуэты в монашеском облачении. Монастырь этого ордена существовал в Минске с 1624 по 1864 год и был закрыт после восстания Кастуся Калиновского. За прошедшие годы на его территории размещались разные учреждения. В бывшем монастырском костеле в настоящее время находится архив-музей литературы и искусства и государственный архив научно-технической документации. А в корпусе мужского монастыря с 2014 года отель. Многие элементы декора в нем стилизованы под монастырские, стены все еще помнят настоящих бернардинцев.

Что же это? Призраки? Городская легенда? Или просто рекламный ход гостиницы в центре города? На самом деле это не столь важно, потому что если в этом здании и нет призраков, то это упущение с их стороны – здание того стоит.

Если же полупрозрачная монахиня встретится вам в окрестностях кинотеатра «Победа» или внутри кинозала, то перед вами, скорее всего, бенедиктинка. Монастырь бенедиктинок, одна из некогда многочисленных католических обителей города, был основан в 1633 году, действовал до 1871-го и был закрыт самым последним. Его здания передали под Преображенский женский православный монастырь, католических монашек отправили в Несвиж, а барочный костел Святого Войцеха перестроили в церковь в псевдорусском стиле.

Православный монастырь закрыли в 1920-х годах XX века, церковь – в 30-х. Окончательно здания монастырского комплекса сровняли с землей в 1964 году. В 1960-х и 70-х годах при строительстве и раскопках находили остатки подземных ходов. Теперь на месте бывшего монастыря здание генеральной прокуратуры и часть кинотеатра.

Призрак тюремного замка

Верящий в призраков человек знает наверняка, что они водятся и в Пищаловском тюремном замке. Все 200 лет своей истории это суровое и по-своему красивое здание было острогом. заключенные Российской империи, советской власти, фашистского Третьего рейха, снова Советского Союза и, наконец, Республики Беларусь здесь ждали суда и отбывали наказание. Через эту тюрьму прошли

Монастырь бенедиктинок в Минске, конец XVIII века. Реконструкция В. Стащанюка.

Иван Пулихов

тысячи людей, включая довольно знаменитых. Повстанцы 1830 – 31 и 1863 – 64 годов, драматург Винцент Дунин-Марцинкевич, поэты Карусь Каганец, Алесь Гарун и Якуб Колас, «враги народа» 30-х, партизаны и подпольщики 40-х. А еще в этом здании было приведено в исполнение немало смертных приговоров.

Когда рассказывают о призраках Пищаловского замка, то считают, что лучше всех на эту роль подходит революционер-эсер Иван Пулихов, который вместе с Александрой Измайлович 14 января 1906 года предпринял безуспешную попытку покушения на минского губернатора Павла Григорьевича Курлова.

Эсеры «приговорили» губернатора после расстрела царскими войсками 18 октября 1905-го митинга в Минске в районе Привокзальной площади – памятный знак этому событию установлен на станции метро «Площадь Ленина». Пулихов метнул в Курлова бомбу возле Петропавловского собора. Однако бомба, предварительно обезвреженная агентами охранки, не сработала. Измайлович выстрелила 5 раз из браунинга в полицмейстера, но лишь ранила почтальона и рядового. Обоих террористов схватили на месте и через

месяц приговорили к смертной казни. Измайлович приговор был заменен пожизненной каторгой. Пулихова повесили в Пищаловском замке. С тех пор, говорят, в тюремном замке время от времени видят призрак с зажженной свечой в руке.

И на этом месте наша история о минских привидениях парадоксальным образом закольцовывается. Потому что одним из спонсоров летучего отряда эсеров и покушения на губернатора Курлова считают Евстафия Любанского. Курлов же – один из предполагаемых любовников пани Ядвиги Любанской, которая после раскрытия супружеской измены утопилась в реке и стала самым знаменитым привидением Минска – призраком из Лошицкого парка.

Минск продолжает жить и порождает новые легенды – о чудесных и недобрых свойствах городских статуй, о тайных тоннелях в метро, о крокодилах в Свислочи, о шприцах, зараженных СПИДом, мести Немиги и, конечно, о новых привидениях. Человеческая фантазия и суеверие наверняка подарят нам и потомкам еще много интереснейшего материала.

Леонид Зарембо